

философии и социологии права, истории политических и правовых учений, истории и методологии юридической науки.

Е.А. Фролова

Фролова Елизавета Александровна – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, юридический факультет, Москва, 119991, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.

А.А. ГРЯКАЛОВ. **Топос и субъективность. Свидетельства утверждения.** СПб.: Наука. Серия «Слово о сущем», 2019. 548 с.

В книге рассматривается топологическая определенность и, в некотором смысле, даже топологическая насыщенность субъекта. Метафизически субъект может быть задан по-разному – как его *sogito* у Декарта, если нас интересует в первую очередь уникальность познающего и его привилегированное место во всех системах отсчета сознания, как единство самости и субстанции, где субъект есть в той же мере и субстанция, что и «простое я» (Гегель), как *Dasein*, если нам важна подлинность бытия от первого лица, или чисто логически, руководствуясь идущей от Аристотеля традицией.

Соответствующие подходы представлены в данной книге наряду со многими другими, но скорее в плане сопоставления и, если угодно, как подспорье. Самого же автора прежде всего интересует именно топология, в данном случае как множественность реальных и воображаемых пространств, которые необходимо задействовать для того, чтобы субъектность субъекта была задана и удержана. Показать и обосновать привязку субъекта к месту и далее к местности – одна из главных задач этой книги. «Топологическое сознание глубинно соотносено с темой уместности и действительности мысли» (с. 6).

Кто-то, наверное, мог бы сказать, что сознание потому и сознание, что оно суверенно, что оно не обязано соотносываться с теми или иными обстоятельствами, руководствуясь лишь внутренним законом свободы, а мышление вызывает подозрение, если озабочено исключительно уместностью своих результатов. И, тем не менее, сознание должно *состояться*, без которых философа определить, что действительно необходимо для его состоятельности. Непременность нейрофизиологической привязки всем известна, но нет ли и других привязок, не столь, может быть, бросающихся и очевидных, без которых сознание не сможет определить себя как универсальное, всегда имеющее дело с миром, а субъект как свободный и суверенный?

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ.

frolova.msu@mail.ru

Frolova Elizaveta A. – Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, 1/13, Leninskiy gori, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

DSc in Law, Professor of Chair of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–3–217–219

Именно существенные обстоятельства сборки и настройки субъектности исследуются в книге А.А. Грякалова. «Субъективность собирается местом и образует место, хотя сборка происходит во времени. Острая нехватка вечности... делает время именно тем временем, в котором субъективность обращена к самой себе» (с. 19). Острая нехватка вечности (что тут возразить?) во всяком случае активизирует модификацию субъекта, побуждает подлинное-во-мне (собственно, *Dasein*) к постоянной перепроверке собственной подлинности. В ходе этой процедуры, от которой нельзя уклониться, процедуры, подтверждающей, что у субъекта нет раз и навсегда гарантированной топологии, выявляются те операции, посредством которых субъект полагается как таковой – А.А. Грякалов последовательно проводит точку зрения, согласно которой акты субъективации никак не могут быть сведены к имманентным операциям в духе гегелевской диалектики, где саморазвитие понятия идет через соотношение с самим собой, последующего соотношения с соотношенным и так вплоть до конденсации самости (*Selbst*). Таким способом конституируется лишь одно измерение многомерной субъектной топологии. В рецензируемой книге отстаивается точка зрения, согласно которой топология, углубленная в психологию, вроде той, что представлена Фрейдом и Юнгом, равно как и другие имеющиеся версии глубинной топологии, точно так же не учитывают острого дефицита вечности (впрочем, дефицита, становящегося уже хроническим). И отчетливо сознавая все это, автор книги обращает внимание совсем на другие операции полагания и самополагания сознания. Операции, может быть, и не сулящие гладкой имманентности, но все же способные восполнить и как-то восполняющие великий дефицит. Это *событие* и способ *причастности* к событию, *свидетельство* (как мое, так и обо мне), отношения типа уместности и своевременности – равно как и сбой таких отношений и прочие *тонкие настройки* вплоть до *скуки* чеховских героев, все

они учитываются и тщательно исследуются с привлечением обширного и разнообразного философского инструментария. А.А. Грякалов как раз и предпринимает попытку добраться до скрытого глубинного – *событийного* – узора, справедливо полагая, что именно *свидетельство* выполняет эту функцию в случае вселенной субъекта, ибо именно оно проникает во внутренний мир любой степени прихотливости – проникает, не повреждая, но преобразуя его и даже первично полагая: кем были бы мы, что могли бы значить и на что могли бы надеяться, если бы не свидетельства свидетелей, прежде всего, персональные (мои и обо мне), но также и те, что осуществляются анонимно «по долгу службы» и даже по долгу служения.

В книге подробно анализируются преобразующие свидетельства из самых разных онтологических регионов. Вот, например, из сферы психоанализа: какой субъект-свидетель может *это* представить? Сеанс психоанализа предполагает, что психоаналитик своим присутствием создает необходимое поле общения, в котором «реальная история с нереальными событиями» корреспондируется «нереальной историей с реальными событиями» и реальности оказываются опрокинутыми друг на друга. В результате пациент, переживая события собственной судьбы, оказывается способным переиграть неудавшееся в прошлом действие» (см. с. 278–279). Итак, некое событие, по сути, событие разговора, дает возможность *переиграть* прошлое, значит, в каком-то особом смысле сделать бывшее небывшим – на что, говорят, не способен даже Бог и уж точно неспособна природа, – а тут всего лишь заинтересованный разговор, персонально адресованный анализ, и осуществляется вмешательство в «исходный узор», минуя все свершившиеся «инфляционные расширения». Но прежде всего и по большей части в фокусе внимания А.А. Грякалова оказывается литература – великая русская литература в ее избранных именах.

Здесь, пожалуй, возникает общеметодологический вопрос, который в книге эксплицитно не поставлен, но ответ на него дан. Это вопрос о правомочности привлечения литературных (выдуманных) персонажей для метафизических и психологических выводов о человеке. Культурологические, биографические, психоаналитические и прочие расширения, не меняют сути дела, а скорее подчеркивают всю пикантность ситуации – *фикции* (художественные образы, литературные персонажи с их жизнью) суть только средства, а вообще-то предметом изучения является человеческий мир. Стало быть, и литература, если речь идет о ее лучших образцах, становится едва ли не главным источником для анализа свидетельств

о человеке – анализа, который, в свою очередь, требует точности суждения вкуса и полноты метафизического оснащения. И то, и другое, читатель может обнаружить в рецензируемой книге.

Уделив особое внимание эстетическому опыту и рефлексии – обосновывая «эстетический поворот», автор показывает необходимость расширения эстетической коммуникации за пределы интеракций: необходимо идти к свидетельствующим переживаниям, к установлению первичных переживаний и поименований. Здесь на актуальном материале и в обновленной оптике продолжена традиция отечественной мысли: автор развивает позицию Н.О. Лосского о том, что рефлексивное усилие понимания – это приведение в органическую целостность – в этом плане рефлексия во многом подобна эстетическому творчеству. В произведении необходимо содержится хотя бы отчасти «сторона гармонии» – собрана и действует экономика субъективности: пространственность – *топос*, соотносительность с топологией и способным ее представлять утверждающим субъектом. В этом плане, как обосновывает А.А. Грякалов, *эстетическое* вызывает на встречу *этическое* и *антропологическое*, а в пределе и *религиозное*: разделение чувственного означает способность совместного и дружественного преодоления расколотости мира – разделяя, нести вместе. Это же означает и разделение мира на *добро* и *зло*, что противостоит дурному смещению.

Эстетическое экзистенциально и персоналистски размещено в соотнесенности поименований, встреч и схождений – из них способен исходить соответствующий *жизненный этос*. Эстетическое «запускает» первичные «механизмы» в отношении к антропологическим, экзистенциальным и политическим стратегиям сборки субъекта и субъективности. И именно эстетическое препятствует возникновению метадискурса, давая возможность представлению автономных – *антропологических* – позиций. Это опыт *топографии* и *топо-логики*, представленный в эстетической теории. Ведь при всем различии пониманий эстетическое сохраняет автономность и свободу даже в сопоставлении с этическим выбором, где действует предписание. Эстетическое представляет собственный путь формирования субъективности и способно непосредственно представлять не только гетерогенность, множественность и региональность, но и целостное поименование бытия.

Эстезис выступает как сфера первичной символизации, если угодно, сфера именуемого возникновения смысла в отношении чувственного мира. Исходный этимон – *эстезис* – обращает к объяснению и поименованию того, что изначально предстает как *след*. Это то, что *есть* и оставлено для расшифровки и понимания. Че-

ловеческая размерность и осмысленность зависят от того, что след-происшествие превращается в след-событие. Эстетизм укоренен и тонет в бытии – к этому следует прибавить темы *присутствия, настроенности ландшафта, события, вещности, топоса и свидетельств*.

Соответственно, концептуальный персонаж (*homo aestheticus*) имеет не только реальные значащие очертания и семиотизированный – коммуникативный – «профиль», но обретает неисчерпаемый статус присутствия, выходит за пределы текста в топос произведения или личностное свидетельствование. Так в дискурсивные практики возвращается *экзистенциальное* в новом облике свидетельства и утверждения. А.А. Грякалов показывает, как именно опыт эстетической топологии связан с философией жизни отечественного мышления. Таким образом, внимание к эстетической топологии позволяет актуализировать соответствующую традицию отечественной мысли, создавая возможность уточнять и устанавливать ее константы и приоритеты.

При этом общие утверждения в книге диалогически связаны с анализом творчества Чехова, Льва Толстого, Андрея Платонова, Розанова, Велимира Хлебникова, космистов, Л. Гессена и Сигизмунда Кржижановского.

А.А. Грякалов обращается к творчеству Чехова, нащупывая топологию и хроносенсорику присутствия, которая, разумеется, сказывается далеко за пределами литературы: «Кто-то – *диагност* – должен стоять с молоточком за дверью всегда. Это возможное – совсем не *приличное* время, льнущее к переживающему лицу. Напротив, время как раз *не* приличное, не льнущее к лицу или к лицам во всем их возможном множестве не только как индивидуумов, но и как рабов Божиих. Так же и не *время-как-время* – позитивистский извод понимания. *Иное* время в первом приближении выступает и действует как никому не принадлежащее, даже и самой божественной вечности, которая в нем, несомненно, присутствует, *неприсваиваемое*, хотя в той или иной смысловой мере или безмерности переживания освоенное» (с. 89).

Автор предлагает очень удачный термин – *антропологическая константа*, по аналогии с физической константой: уникальный набор как раз и обеспечивает «чтойность» универсума, его выхваченную и закрепленную определенность среди ветвящихся миров. Антропологические константы всегда начинают тот или иной причинный ряд, сами же, подобно константам физическим, не могут быть выведены из наличных регулярностей сущего и происходящего в качестве непрменных производных – они сбываются и случаются, благодаря чему экзистенциально-психологический универсум

субъекта оказывается равномошным космосу как целому. Вспышка и консолидация антропологических констант происходит через *событие и встречу*, которые предстают как своего рода космологические операции для бытия от первого лица. Вот как это описано А.А. Грякаловым на примере Розанова: «В новом событии смысла, которое создает Розанов из своей жизни и своего прорастающего в переживаниях жизнотворчества, разные данности выходят друг другу навстречу, перестают быть заданностями, всматриваются и вслушиваются друг в друга, в то, что способно их объединить или разъединить. Можно сказать, что идеи Розанова находятся у истоков топологического мышления, в котором разновременные истоки встраиваются в единое взаимодействие. Течение это трудно заранее представить – до того как оно проявит себя в пространстве и времени» (с. 141). И как раз в этом смысле, как изящно выражается А.А. Грякалов, «объяснение предшествует существованию» (с. 262). Сначала – иллюминация присутствия, встреча, которая *уже состоялась* и состоялась неотвратимо, а затем – *сброс в существование* и расходящиеся круги осуществленности, которые даже можно описать с помощью их собственного ритма, как правило, затухающего в толще материи, включая материю социальную. Так в сорной заброшенности, доступной каждому, остается бытие-на-излете, слабые токи присутствия как бытия от первого лица, но и они исходят от состоявшейся когда-то ясности объяснения, когда исходный узор человеческого в человеке прояснился. Стало быть, может вновь обрести ясность, благодаря возобновляемому свидетельствованию, задействованию сокровенной топологии субъекта. Речь о *качестве* возможного понимания, сочувствия и сострадания и об экзистенциальной роли свидетельства.

Субъект-свидетель, как утверждает в книге, хотя и бесстрашно, но уязвимо существо – страдающий свидетель всегда в опасности. И всепроникающее сострадание, не знающее исключений – это прекрасное средство в борьбе с заносчивостью. Но при ближайшем рассмотрении в него органично входит нечто вроде злопамятности: невозможность удалить собственные и чужие разъедающие воспоминания. В книге тщательно исследован как раз противоположный полюс «возрождающих и милующих», говоря словами М.М. Бахтина, свидетельств. «То, что меня не убивает, делает меня сильнее» – так гласит одно из самых известных изречений Ницше.

Это правда, но не вся.

То, что меня убивает и когда-нибудь непременно убьет, то же самое «делает меня как меня» – прочерчивает и проясняет мое бытие от первого лица. И *прямое свидетельствование*

ние (мое и обо мне) – это свидетельство в отличие от регистрации и подсчета – *событие*, всегда проясняющее сорное фоновое время. Тогда *встреча*, благодаря которой сингулярность выхватывается из регулярностей, и субъект как таковой учреждается. Никакие более простые процедуры не в состоянии объяснить чудо бытия от первого лица. Дисциплинарные науки, включая психологию, рассматривают типичное, гуманитарное знание описывает сингулярность, но преимущественно как готовую и имеющую «свойства», которые, собственно, и описываются. Отсюда и проистекает важнейшая трудность топологии субъекта, которая просто не состоится, если не постигнет и не примет во внимание это состояние творимости сейчас. Исследование А.А. Грякалова преодолевает соответствующие трудности – автор кропотливо вычерчивает контурную карту топологии присутствия, принимая во внимание и экономику, и телесность, и философию возможных миров, сопоставляя самые различные дискурсы и удерживая их в состоянии взаимного опознания и конструктивной смысловой переключки.

А.А. Грякалов – философ и писатель, автор актуальных монографий, нескольких книг прозы и вышедшего совсем недавно поэтического сборника. Это сказывается (самым лучшим образом) и в построении рецензируемой книги. Помимо основной канвы, разворачивающей то-

пологию присутствия, канвы далеко не линейной, но, безусловно, исполняющей обещанное, читателя ждет множество «путевых заметок», содержательных и интересных даже безотносительно к главной теме исследования. Книга «Топос и субъективность» содержит не только продуманную постановку вопросов, актуальную и интересную версию решения проблем топологической субъективности и феномена субъекта-свидетеля, но и является прекрасным образцом русской философской речи.

А.К. Секацкий

Секацкий Александр Куприянович – Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, 199034, Менделеевская линия, д. 5.

Кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории Института философии СПбГУ.

aksek@inbox.ru

Sekatskiy Alexandr K. – Institute of Philosophy, St-Petersburg State University, 5, Mendeleevskaya Liniya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

CSc in Philosophy, associate professor, Chair of the Social Philosophy and the Philosophy of History, Institute of Philosophy, St-Petersburg State University.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–3–219–222

CONTENTS

Media Education: Problems and Perspectives

Alexander I. Strebkov – Education and Media Education: Risks, Losses and Acquisitions.....	5
Vladimir M. Kamnev – On Concept of Media Education.....	9
Evgeniy G. Sokolov – Ontological Fiction.....	13
Sergei I. Dudnic – Alienation in Digital Society.....	17
Vladimir Yu. Bystrov – Speech, Writing and Media Education.....	21

Philosophy and Society

Karen Kh. Momdzhyan – On the Problem of Universal Values.....	25
Pavel S. Zhdanov – State and Rationality in the Political Reflection of New Age.....	42
Dmitry A. Davydov – The Transhumanist “Death” of Marxism?.....	54

Philosophy and Culture

Anastasia A. Lisenkova – Transformation of Identity in the Digital Age.....	65
Aleksey N. Fatenkov – Ontological Gestures and Images of the Revolution.....	75

Philosophy and Science

Mikhail B. Konashev – Evolutionary Theory and Evolutionary Practice in the Evolving World.....	88
Sergey A. Khrapov – Social Memory as a Cognitive and “Technogenic” Phenomenon.....	99
Andrey V. Vdovichenko – Sense Generating Process in Logic Paradoxes: the Principle of Communicative Certainty. Part II.....	107
Olga V. Gordeeva – The Results of Modern Scientific Researches of Near-Death Experience: Is It Time to Abandon Materialism?.....	119

Russian Philosophy

Maja E. Soboleva – Ontology of Time: Berdjaev and Heidegger.....	137
Vladimir A. Kotelnikov – The Kant’s Heritage and Militant Idealist A. Volynsky.....	149

Indian Philosophy

Victoria G. Lysenko – The Experience of Yoga and Meditation as a Subject-Matter of Philosophy in India.....	161
Sergey V. Pakhomov – The Notion of Bliss (Ānanda) in Hindu Tantric Philosophy: Essentials of Tantric Ānandavāda.....	177
Nataliya A. Kanaeva – Is There Any Soteriological Pattern in the Phenomenology? The Polemical Remarks on the Sketch by Arkady Yu. Nedel.....	186

Letters to Editors

Yulian G. Tyutyunnik – About Landscape Nature of Subjectivity.....	194
---	-----

Scientific Life

Dmitriy V. Tretyakov – Annual International Scientific Philosophical Conference “Ilyenkov Readings – 2019”.....	204
Olga S. Davydova, Darina A. Polikarpova, Artem E. Radeev – Possible Worlds of Contemporary Aesthetics (on the 21st International Congress of Aesthetics).....	211

Book Reviews

Elizaveta A. Frolova – V.S. Gorban. Iering’s Legal Doctrine and Its Interpretation.....	217
Alexandr K. Sekatskiy – A. Grjagalov. Topos and Subjectivity. Evidence and Statements...	219

Научно-теоретический журнал

Вопросы философии / Voprosy filosofii
2020. Номер 3

Соучредители: Российская академия наук, Институт философии РАН

Издатель: Институт философии РАН

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76827 от 16.09.2019 г.

Художник *С.Ю. Растегина*
Технический редактор *Е.А. Морозова*

Подписано в печать с оригинал-макета 17.02.20.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура IPR Astra Serif
Усл. печ. л. 15,48. Уч.-изд. л. 19,68. Тираж 1 000 экз. Заказ №

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор: *Е.Н. Платковская*
Компьютерная верстка: *Е.А. Морозова*

Отпечатано в ООО «РПЦ Офорт»
129110, г. Москва, проспект Мира, дом 69.
E-mail: info@ofort2000.ru

Информацию о «Вопросах философии» см. на сайте журнала: <http://vphil.ru/>